

**"ПРАВО ЗНАТЬ: история, теория, практика"
N 10 (34) октябрь 1999 г.**

ПРАВДА - ПЕРВАЯ ЖЕРТВА ЛЮБОЙ ВОЙНЫ

Россия вновь начинает войну. Вернее, Россия продолжает войну сама с собой, демонстрируя всему миру полную неспособность решить хоть одну из своих проблем путем переговоров и компромиссов. На этот раз речь идет о полномасштабной войне с Чечней. Эта война камуфлируется словами об антитеррористической операции, целью которой является уничтожение боевиков на всей территории Чечни. Под боевиками в данном случае понимается все мужское население этой мятежной республики, а возможно, и вообще все чеченцы, которые не могут понять, почему Грузия, Армения, Азербайджан могут быть самостоятельными государствами, а Чечня не может.

Я не собираюсь обсуждать военные или политические аспекты возникшей ситуации: этим есть кому заниматься. Меня как руководителя Правозащитного фонда "Комиссия по свободе доступа к информации" интересует один вопрос: как скажется очередная затея российских генералов, прикрывающихся народным негодованием по поводу действий безвестных террористов, взрывавших жилые дома, на информационной ситуации в стране? Станет ли попытка решить военным насилием сложные экономические, политические и социальные проблемы в отдельно взятом регионе прологом к повсеместному использованию информационного насилия? Ведь уже сейчас нас опять приучают к дозированной информации. Нам опять говорят о высших интересах Родины, ради которых приходится ограничивать право народа знать правду. Нам опять врут.

Мы печатаем в этом номере небольшую подборку материалов, в которых известные в журналистских кругах люди делятся своими впечатлениями об информационной ситуации, возникшей на первом этапе новой чеченской кампании. Что же будет дальше?

У меня есть тяжелые предчувствия: независимо от того, решат или не решат жаждущие реванша генералы поставленные ими перед собой задачи, гражданское общество в любом случае понесет существенные потери.

Иосиф ДЗЯЛОШИНСКИЙ

**Михаил ШЕВЕЛЕВ:
"НИ ОДНОМУ ОФИЦИАЛЬНОМУ ИСТОЧНИКУ ИНФОРМАЦИИ ДОВЕРЯТЬ
НЕЛЬЗЯ"**

- Михаил Владимирович, Вы неоднократно бывали в Чечне в предыдущую войну, и недавно снова делали материал из этой горячей точки. Как, по Вашему мнению, можно охарактеризовать ситуацию с доступом журналистов к информации в Чечне на этот раз?

- На мой взгляд, ситуацию можно назвать критической. Если ее можно с чем-то сравнить, то надо сравнивать с положением, в котором были советские средства массовой информации в период афганской кампании. Налицо тенденция к полной закрытости армейской информации. Система аккредитации, система предоставления информации, объем информации, ее достоверность вызывают очень серьезные сомнения. Возможность получения независимой информации на территории Чечни и прилегающих территориях резко ограничена в силу естественных причин. Но те

российские ведомства, которые обязаны способствовать журналистам в получении такой информации, в лучшем случае не делают ничего, в худшем - поддерживают Министерство обороны и спецслужбы в их стремлении максимально изолировать общественность от информации по этой зоне.

- 1 октября распоряжением правительства создан Росинформцентр, на который возложена обязанность обеспечивать оперативное освещение событий, происходящих на Северном Кавказе. Как Вы можете это прокомментировать?

- Это официальная структура, которая призвана регулировать поток информации о Чечне и боевых действиях на этой территории. Предыдущий опыт контактов с официальными структурами по Чечне не оставил позитивного впечатления. И первые результаты деятельности Росинформцентра подтверждают опасения журналистов: та же направленность, примерно те же люди, те же идеи, только дозировка информации и ее искажение носят более интенсивный характер.

- Михаил Владимирович, как работается журналисту в Чечне?

- Очень непросто. На мой взгляд, главная проблема - недостаток финансовых средств. Потому что обеспечение личной безопасности журналиста, получение информации и ее доставка в редакцию, транспорт, связь - все это, прежде всего, вопрос денег. Это достаточно дорогостоящие вещи на любой войне, но на чеченской особенно.

Еще одна особенность работы журналиста в зоне этнического конфликта и боевых действий заключается в том, что ему может угрожать любая из конфликтующих сторон, и, кроме того, он представляет интерес как перспективный заложник.

- Уточните, пожалуйста, что Вы имели в виду, увязывая вопрос доступа к информации с финансовыми ресурсами журналиста?

- Журналисту, чтобы получить необходимую информацию, надо передвигаться. Вопрос передвижения по зоне боевых действий - вопрос денег. Рассчитывать, что ему кто-то даст транспорт бесплатно, или он доберется до нужной точки автостопом - наивно. Для того, чтобы передать информацию в редакцию, надо иметь мобильный, а еще лучше спутниковый телефон - это тоже вопрос денег. Вопрос покупки информации из закрытых источников - это тоже вопрос денег.

- И как часто Вам приходилось прибегать к закрытым источникам информации?

- К закрытым источникам всем приходится прибегать достаточно часто. Но если Вы имеете в виду, что кто-то платит деньги за информацию офицерам действующей армии - нет, эта практика не распространена. Но расходы на спиртные напитки для того, чтобы приобрести эту информацию, занимают определенную часть командировочного бюджета.

- Есть ли возможность проверять информацию, работая в Чечне?

- Стандартный способ - сравнивать данные, полученные от двух конфликтующих сторон. Но если, скажем, чеченская сторона говорит, что разбомблено какое-то село, а российская сторона утверждает, что она это село не бомбила, значит это вопрос личного свидетельства.

**Анна ПОЛИТКОВСКАЯ:
"СЛЕДЫ ВОЙНЫ ВЕДУТ В МОСКВУ"**

- Анна, Вы несколько раз были на Северном Кавказе. Расскажите, как в условиях

войны Вы получаете информацию?

- И в аэропорту, и в единственной гостинице Назрани, где останавливаются все журналисты, всегда толпятся люди, которые предлагают себя в качестве проводников в Чечню. В качестве гарантии многие предлагают в заложники своих родственников, в том числе и собственных детей. Но таким гарантиям верить нельзя. Потому что, если с тобой там что-то случится, не станут же здесь убивать их детей! Однако каждый журналист действует в Чечне по-своему, в зависимости от своих интересов, приоритетов и установок.

Я действовала следующим образом: чтобы понять, можно ехать с этим человеком или нельзя, каждое такое предложение проверяла в Министерстве внутренних дел Ингушетии. Оказалось, что из множества предложений, можно было воспользоваться только одним. Все остальные были, как правило, люди, которые делают (или пытаются делать) бизнес на журналистах. Они могут выступить как проводники, но реального отношения к доступу к информации не имеют.

Среди них встречаются люди, которые предлагают себя от имени Масхадова и дают соответствующую охрану, но представители Министерства внутренних дел Ингушетии открыто говорят, что и это не является гарантией и риск остается все равно: люди Масхадова мало что контролируют. Следует знать также, что чеченцам в случае стычки легче убить не-своего, то есть не-чеченца. Допустим, встречаются две конфликтующие чеченские группировки и начинают выяснять отношения. Если доходит до оружия, убьют все равно не-своего: друг друга они убить не всегда могут, потому что это кровная месть.

Однажды я брала интервью у вице-преьера правительства Ичкерии Хасаева, который одновременно является президентом Чеченской нефтяной компании. Поводом для интервью послужил тот факт, что в пункте перехода из Чечни в Ингушетию, помимо бесконечных потоков беженцев, можно заметить огромное количество бензовозов. Они идут из Чечни. Санитарный кордон, несмотря на все уверения военных, в этой части не действует. И меня заинтересовало: куда и зачем идут бензовозы? Мы встретились с вице-премьером на чеченской территории. Г-н Хасаев объяснил, что бензовозы идут в соответствии с контрактом в Ставропольский край транзитом через Ингушетию. Наше интервью длилось около 15 минут, после чего люди, которые были со мной, стали толкать меня в спину и сказали, что надо бежать. Мы добежали до машины и на большой скорости уехали в Ингушетию. Почему? Потому что рядом стала собираться толпа, которая обсуждала, как и за сколько нас можно украсть. А вице-премьер, у которого есть и реальная власть, и деньги (он не какой-нибудь чиновник, отвечающий за социальное развитие), не управлял этими людьми. Он все прекрасно слышал и понимал (это только я не понимала по-чеченски!). Но он их не остановил! На следующее утро я встретила этого вице-преьера в Назрани, прямо в президентском дворце у Аушева. Я, конечно, ему сказала: "Как это может быть, что вы - представитель власти, слышали, что пошли такие разговоры, но не предприняли ни малейшего шага, даже не дали команду своей охране, чтобы она образумила этих людей!.." Он ничего не мог мне ответить, кроме того, что в каждом народе бывают нехорошие люди. Это к вопросу о том, что в Чечне никто ничем не управляет - даже те, кто имеют деньги.

Когда ты переезжаешь из Ингушетии в Чечню, ты видишь людей с дикими глазами. Просто одичавшее население - это сразу бросается в глаза. От голода, от нищеты, от того, что оно само уже погрязло во всех этих бандитских делах...

А спустя еще час в том же президентском дворце я увидела, как этот вице-премьер обнимается с заместителем министра топлива и энергетики России Новиковым. Они мило ворковали, что-то обсуждали... Так что война - для одних. А мир бизнеса

продолжает качать деньги из нефти. И то, что все это уходит в Москву - очевидно.

- Можно узнать, сколько стоит услуга "проводника" на территорию Чечни?

- Те, кто поджидает журналистов в Ингушском аэропорту, предлагают себя за \$60 в час и говорят, что меньше цен нет. Но по мере приближения к гостинице в Назрани (она там одна), ты понимаешь, что цены бывают и другие. А можно договориться вообще только об оплате одного бензина.

Охрана от МВД Ингушетии - вооруженные милиционеры - для журналистов бесплатная, так распорядился Аушев. Конечно, можно нарваться на самозванцев, выдающих себя за сотрудников МВД Ингушетии, поэтому надо всегда проверять.

Сегодня в МВД Ингушетии есть специальный отдел для обслуживания журналистов. Ты приходишь и говоришь, что тебе сегодня нужно ехать туда-то и нужна охрана. И получаешь людей, которые с тобой везде ходят. С ними безопаснее ездить и в наши военные части, потому что там боятся журналистов и могут запросто выстрелить. Военных застращали генералы, чтобы те не подпускали журналистов - и это действует. Без человека в милицейской форме и с оружием туда вообще лучше не соваться. Но, тем не менее, несмотря на запреты, к бойцам все равно можно подойти, но это уже зависит от слов, которые успеваешь сказать.

- Какая возможность проверки информации существует на войне?

- Военную информацию проверить практически невозможно. Военные сами ее дозируют, подводят к тем солдатам, к которым они хотят. А попытка лично проверить факты обязательно будет связана с опасностью. Когда одна сторона говорит, что раненые есть, а другая сторона - что раненых нет, то установить истину можно только путем личной экспертной оценки. И я не могу написать, что в результате налета в таком-то селе есть раненые, не поговорив с ними, не убедившись у врачей, что это пулевое ранение - и т.д. Я не доверяю никаким источникам. Сейчас я доверяю только своим глазам и ушам.

- Насколько соответствует та война, образ которой создают наши средства массовой информации, тому, что лично Вы видели?

- Телевидение сегодня, освещая события войны, создает на экране культ силы: оно показывает солдата, который топает вперед, не боясь ничего. Но, на самом деле, это такие же люди, как мы. Я однажды подъехала к одной из частей, которая как раз уходила в бой. А когда люди уходят в бой и знают, что впереди их, может быть, ждет смерть, они забывают о том, что им запретили с кем бы то ни было разговаривать... И меня потрясло: когда голова колонны с офицерами ушла, солдаты стали спрыгивать с брони, подбегать и просить вместе сфотографироваться. У меня была косыночка и они попросили: "Вы можете нам помахать косыночкой?" Я видела нормальных людей, которые страшно боялись...

Сейчас солдаты напуганы еще и тем, что в Думу внесен документ от Министра обороны Сергеева: он просит продлить срок службы на шесть месяцев тем, кто сейчас находится в Чечне и имеет опыт в боях. А они мечтают только об одном: побыстрее уехать. К сожалению, сегодня телевизионщики осуществляют акцию PR по промыванию мозгов населению: будто в Чечне воюют бодрые "новые" солдаты, ничего не боящиеся, принципиально отличающиеся от прошлой войны. Это не так. Я никого не сужу, все выполняют свои задачи. Моя - рассказывать только то, что видела своими глазами.

**Алексей СИМОНОВ:
"ЖУРНАЛИСТЫ УБИВАЮТ СВОЮ ПРОФЕССИЮ"**

- Алексей Кириллович, как Вы можете прокомментировать сегодняшнюю ситуацию с доступом к информации по Чечне?

- Невольно сравниваешь то, что происходило в предыдущую кампанию с тем, что происходит в этой. Оказалось, что пресса, как и все население, невероятно подвержены страху и истерике. И это в значительной степени изменило информационную ситуацию. Выяснилось, что газеты, в принципе, такие же обыватели, как и их читатели. Поэтому очень редко средства массовой информации пытаются объективно оценить, что происходит. Абсолютное большинство разделяют официально нагнетаемую истерию и преисполнены очень странного пафоса, что, естественно, мешает им сколько-нибудь всерьез относиться к фактам. Более того, в значительной степени СМИ смирились с тем, против чего они восставали. Все готовы получать информацию непосредственно из рук силовых ведомств и основывать на этой информации и свои публикации, и свои выводы о происходящем. Это очень страшно.

- Фонд защиты гласности, журналистские организации предпринимают какие-нибудь попытки, чтобы воздействовать на эту ситуацию?

- Дело заключается в том, что мы оказались заложниками этой ситуации. Те средства массовой информации, которые думают так же как и мы, не нуждаются в нашей поддержке, потому что они сами публикуют примерно ту же точку зрения, какую можем высказать и мы. А обратиться к тем, которые имеют иную точку зрения практически бессмысленно. Спорить с ними означает заняться критикой средств массовой информации, что не есть наше дело. Мы - заложники ситуации. Казалось бы, в условиях отсутствия свободы слова Фонд защиты гласности должен работать более активно. Но оказалось, что нам намного труднее работать в этой ситуации не только чисто физически, но и морально. То есть, чем меньше свободы слова, тем труднее нам работать. Да, мы делаем какие-то заявления. Но я не вижу возможности реально воздействовать на ситуацию. Более того, сейчас создан очередной правительственный информационный центр по отслеживанию этой ситуации, то есть создается опять очередное "министерство правды", только по отношению к этой новой чеченской войне. Если в предыдущей ситуации мы реально имели возможность отслеживать все ошибки аналогичного центра, более того, мы отследили всю ситуацию официальной лжи, то сейчас у нас этой возможности нет. Информационная ситуация намного хуже. Мы не можем опираться на собственные расследования - у нас их нет, мы же туда не посылаем корреспондентов.

И еще очень существенная деталь: за период, прошедший между той и этой войной, чеченцы сделали все, чтобы обеспечить мерзкую ситуацию, которая существует сегодня: захваты журналистов и невозможность нормальному журналисту там работать. Работать там могут либо самоубийцы, либо узколобые, которые работают только с одной стороны, не пытаясь попасть на другую. Да на другую и попасть невозможно - это самоубийство. Поэтому, чеченцы сейчас хлебают, в том числе, и результаты собственной деятельности: они сделали все, чтобы российские журналисты и не хотели, и не могли реально освещать новые события. Так что в этом смысле ситуация для наших властей, которые занимаются отцеживанием информации, - очень удобна.

- Есть ли какие-то средства массовой информации, которые, на Ваш взгляд, наиболее объективно освещают чеченские события?

- Я не могу сказать, что я все вижу и читаю, но из того, что я вижу и читаю, мне ближе

всех позиция "Московских новостей" и "Новой газеты". А телевидение, в целях сохранения объективности, я не смотрю - от информационных программ меня тошнит. Видеть, как люди сознательно уничтожают основы собственной профессии страшно и неприятно. Они лишают профессию будущего, они ее убивают.

Беседовала Наталья ДОРОШЕВА

Вениамин РУСИНОВ:

"ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ВОЙСКА ОПЯТЬ ПРОИГРЫВАЮТ ИНФОРМАЦИОННУЮ ВОЙНУ"

Штабные карты с флажками, репортажи, выступления замсекретаря Совета безопасности Владимира Васильева, который, подобно Шахерезаде, ведет исключительно дозволенные речи, официозные съемки генерала Казанцева, отечески глядящего по головке чеченскую девочку, ни в чем не убеждают. Протокольная информация порождает эффект, обратный ожидаемому. Российские власти, двинувшие на мятежную провинцию вооруженную армаду, чувствуют себя крайне неуверенно и по-прежнему боятся противника.

Сильные государства, как и сильные личности, всегда великодушны, последовательны и бесстрашны. Они без колебаний готовы предоставить слово любому оппоненту, не унижаются до информационной блокады в отношении собственных граждан, не робеют от конфликтных ситуаций. Истеричность, скрытность, уход от ответственности - черты, присущие слабым. Но одно дело - клясть натовцев в мидовских кабинетах, поощряя население швыряться чернильницами в американское посольство, и совсем другое - вступить в открытую полемику с теми, кто противоборствует действиям России на Северном Кавказе.

Нет никаких сомнений в том, что сентябрьские теракты против мирного населения переменили отношение общества к войне. Сегодня Россия поддерживает действия армии. Тем большее недоумение вызывает полная неразбериха, которой характеризуется информационная борьба силовиков с противником. Окруженный и едва ли не плененный в поселке Горагорский Басаев на другой день объявляется в Грозном. Станица Шелковская, о взятии которой рапортовали 4-го октября, занята 11-го. Специалисты МЧС, прибывающие в освобожденные - по терминологии военных - районы Чечни, становятся свидетелями жестоких позиционных боев.

Полевые командиры Шамиль Басаев, Амир эль-Хаттаб, Салман Радуев; главный редактор интернетовского сайта "Кавказ" Мовлади Удугов; начальник пресс-центра оперативного управления вооруженных сил Чечни Ваха Ибрагимов постоянно играют на опережение. Они обещают наводнить Россию группами диверсантов со славянской внешностью, которые для ловцов "лиц кавказской национальности" станут убийцами-невидимками. Грозят диверсиями на стратегически важных военных объектах. Формируют женский батальон, группы подростков-смертников, отряды арабских воинов Аллаха и наемников со всего света. Агентство "Кавказ-центр" постоянно дает сообщения о потерях сторон. Что тут правда, а что ложь, придуманная для пущего устрашения и искусственной демонизации сил, противостоящих федералам, разобраться сложно. Владимир Васильев призывает не доверять ни единому слову чеченских лидеров - ни единому из тех, что Росинформбюро подает в своем вольном адаптированном пересказе. При этом сам Российский информационный центр более всего напоминает Агитпроп, намеренный выпускать Окна РОСТА про то, как от тайги до британских морей российская армия всех сильнее. И общество обязано в это верить, закрывая глаза на то, что по сей день в военно-медицинской лаборатории номер 124 города Ростова хранятся сотни тел военнослужащих, погибших во время первой чеченской кампании.

Боязнь ответственности, упорное нежелание вступить в прямой диалог с командирами

моджахедов, наименование войны "антитеррористической операцией", сообщения о том, что 12 октября федеральные силы потеряли всего двух человек убитыми, да и те погибли вследствие неосторожного обращения с оружием - все это по прошествии короткого времени неминуемо скажется на состоянии боевого духа как фронта, так и тыла.